

и политическое приурочение), и совсем уже иное — указание на еще более ранние источники, к которым своды могли восходить. Высказывая такие предположения, А. А. Шахматов не всегда имел возможность опираться на сравнение реальных летописей (за недостатком или отсутствием параллельных текстов) и прибегал, как и многие исследователи до него, к предположительному разложению свода на отдельные элементы. Главное своеобразие его метода заключалось, однако, в соотношении между доказанными и предположительными элементами построений: догадки А. А. Шахматова дополняли систему хорошо обоснованных фактических наблюдений и гипотез и основывались на ней; построения его предшественников (и оппонентов, отвергавших метод А. А. Шахматова) обычно были догадками на всем своем протяжении. Между тем литературоведы и историки, когда им приходится (в общих курсах или в исследованиях отдельных повестей) обращаться к трудам А. А. Шахматова, чаще всего используют именно наименования и определения гипотетических сводов, и не только сводов, непосредственно отразившихся в дошедших до нас летописях, но и их предполагаемых предшественников. Они говорят об этих сводах как о реально существующих памятниках, но не отмечают и не учитывают главного: на чем именно основаны соответствующие предположения А. А. Шахматова.

В курсах древнерусской литературы неизменно перечисляются, например, такие гипотетические своды, которые сам А. А. Шахматов скромно именовал «учеными фикциями»,¹⁰ — «Древнейший Киевский свод» 1039 г., «Древний Новгородский свод» 1050 г., «Первый Киево-Печерский свод» 1073 г., «Второй Киево-Печерский свод» 1095 г., «Летописец великий русский» 1389 г., «Владимирский Полихрон» 1418—1423 гг. и т. д., но из этих курсов читатель почти ничего не узнает о том, как доказывается существование этих сводов и в каких реально дошедших летописях они отразились.¹¹ Несколькo более осторожно поступает в этом случае И. П. Еремин. Он приводит две схемы древнейшего летописания — А. А. Шахматова и В. М. Истрина, а затем спрашивает: «Какая же из этих двух схем — Шахматова или Истрина — ближе к действительности?». «Что касается меня, то — скажу честно, не знаю, которая из этих гипотез ближе к истине, — отвечает на свой вопрос И. П. Еремин. — Очень возможно — ни та, ни другая».¹² Однако, возбуждив таким образом у читателя плодотворные научные сомнения, ученый, к сожалению, ничего не сделал для того, чтобы помочь ему такие сомнения разрешить: как и другие авторы курсов, он не упомянул (хотя бы в самой краткой форме) те основания, которые побудили А. А. Шахматова предположить существование определенных сводов, а лишь перечислил два ряда (шахматовский и истринский) гипотетических дат.

Догматически излагая выводы А. А. Шахматова по истории летописания, литературоведы и историки гораздо реже обращаются к его исследованиям при характеристике отдельных летописных повестей и рассказов. Принадлежность повести (или одного из ее видов) к летописи обычно лишь констатируется — без указания на характер соответствующей

¹⁰ А. С. Шахматов. Заметки о древнейшей истории русской церковной жизни. — Научный исторический журнал, т. II, вып. 2 (№ 4). СПб., 1914, стр. 45.

¹¹ А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVI вв., стр. 79—80 (излагая шахматовскую схему киевского летописания, А. С. Орлов, однако, вслед за В. М. Истриным, присваивает уже древнейшему своду первой половины XI в. наименование «Повести временных лет»); Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Изд. 7. М., 1966, стр. 51—54, 255—256.

¹² И. П. Еремин. Лекции по древней русской литературе. Л., 1968, стр. 39—42.